

История идей

Алексей Жаворонков

ЗНАНИЕ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ У ГОМЕРА И ГЕСИОДА

Аннотация. Статья ставит своей целью проанализировать социальные факторы в связи с темой знания у Гомера и Гесиода. Автор стремится продемонстрировать существенные отличия социальной картины у двух авторов. Так, в «Илиаде» и «Одиссее» основным знанием обладают герои, а наиболее высокая социальная позиция предполагает наивысшую степень компетентности и наибольшее количество знания. У Гесиода гомеровская схема ставится с ног на голову: простые люди не обязаны любой ценой поддерживать избранных, а избранные, в свою очередь, должны заботиться о простых людях. Центральное место в статье отведено роли объективных (социальный статус персонажа) и субъективных факторов (отношение к содержанию и/или форме сообщения) при восприятии знания его адресатом.

Ключевые слова: Гомер, Гесиод, социальная иерархия, знание, статус.

Abstract. The main point of this article is to research the social factors in connection with the problem of knowledge in Homer and Hesiod. The author seeks to demonstrate some essential differences between Homer's and Hesiod's social picture. In "Iliad" and "Odyssey" it is the hero who has the main knowledge; the higher the social position someone holds is, the more competence and knowledge he possesses. Hesiod changes the Homeric scheme in a radical way: the common people should not support the chosen ones at any cost; on the contrary, the chosen ones should look after common people. The central focus of the article is on the role of the objective (social status) as well as of the subjective factors (attitude towards the content and/or towards the form of the message) in the perception of knowledge by its recipient.

Keywords: Homer, Hesiod, social hierarchy, knowledge, status.

Методы классической филологии и вопрос о «гомеровском обществе»

В современной классической филологии, как и в гуманитарных науках в целом, хорошо заметна тенденция привлекать методы различных дисциплин (археологии, философии, социологии, экономики и др.) и благодаря этому находить новые вопросы и области для анализа. В гомероведении, составляющем немалую часть классической филологии, междисци-

плинарный подход привел к возникновению сразу нескольких совершенно новых и чрезвычайно любопытных направлений исследований. Наглядной иллюстрацией этому служит проблематика т.н. «гомеровского общества». В нашей статье речь пойдет о ее частном, но весьма важном аспекте: мы проанализируем связь между социальным статусом гомеровских персонажей и их знанием. Кроме того, в ходе рассмотрения нашей темы мы постараемся проследить некоторые изменения социальной картины от Гомера к Гесиоду.

1. Знание и структура гомеровского общества

Социальная структура в «Илиаде» и «Одиссее»

В «Илиаде» и «Одиссее» можно встретить достаточно большое количество социальной лексики (*πόλις, οἶκος, λαός, δῆμος* и мн. др.*). При этом в гомеровском эпосе нет четкого деления на слои общества: в текстах мы не находим следов даже простой трехчастной схемы (правитель – его окружение (аристократия) – народ)**. Отличия статуса*** одного персонажа от другого выражены комплексным образом. Так, статус ахейских вождей как предводителей военных контингентов определяется не только количеством воинов, которыми они командуют, но и их генеалогией, а также личными качествами (храбростью, разумом и т.д.) и достижениями. С другой стороны, вполне очевидна разница между предводителем контингента и обычным, не выдающимся ни происхождением, ни военными успехами или советами, воином, который не имеет права высказываться на собраниях, поскольку не входит в круг «избранных» (лидеров контингентов), допущенных к обсуждению, и может лишь выступать в качестве молчаливого слушателя****.

Итак, у Гомера мы фактически можем говорить только о героях-лидерах (или об «элите», как ее называют некоторые исследователи [6]), с одной стороны, и об обычных людях, с другой. Количество представителей элиты по отношению к обычным людям не столь мало, как

* Емкий разбор важной части социальной лексики в рамках обсуждения структуры гомеровского общества см. в [1].

** Одним из первых это замечает В. Штрабургер [2]. Ср. также. [3].

*** О статусе см. [4].

**** В то же время, как справедливо замечает К. Раафлауб [5], любой воин «из народа» может наравне с героями добиваться славы (а значит, и повышения статуса) в бою. Поэтому, говоря об отличиях, мы имеем в виду конкретные моменты, когда один герой обладает более высоким статусом, а другой – более низким. Возможность частичного «перераспределения статусов» в военное время заключена в равенстве доступа к славе (реализация этого потенциала зависит в том числе и от качеств конкретного персонажа).

кажется на первый взгляд: например, число женихов, претендующих на власть над Итакой, превышает сто человек (в XVI.245–55 Телемах называет конкретную цифру: 108 человек, из них 12 членов знатных семей Итаки).

Значимость роли генеалогии в формировании статуса достаточно очевидна. Славные деяния предков часто вспоминают в ситуации, когда описывается генеалогия героя, подтверждающая его нынешний статус, но также в том случае, если его поступки не соответствуют ожиданиям окружающих. Вытекающая из неудачных решений и действий героев *νεῖκος** со стороны окружающих может, в частности, выразиться в замечании, что герой действует не как сын своего отца или потомок знаменитого представителя рода. Так, Агамемнон, видя бездействие Диомеда, упрекает его в том, что он не сын Тидея (Il. IV.370ff.), а Патрокл, призывая Ахилла вступить в бой, говорит: *νηλεές, οὐκ ἄρα σοί γε πατήρ ἦν ἱππότα Πηλεὺς, οὐδὲ Θέτις μήτηρ* («...безжалостный, разве твоим отцом не был конник Пелей, а матерью – Фетида?»). Наиболее известна в этом плане речь Триптолема, обращенная к Сарпедону:

*Σαρπηδὸν Λυκίων βουλευφόρε, τίς τοι ἀνάγκη
πτώσσειν ἐνθάδ' ἐόντι μάχης ἀδαήμονι φωτί;
ψευδόμενοι δέ σέ φασι Διὸς γόνον αἰγιόχοιο
εἶναι, ἐπεὶ πολλὸν κείνων ἐπιδεύεαι ἀνδρῶν
οἱ Διὸς ἐξεγένοντο ἐπὶ προτέρων ἀνθρώπων·
ἀλλ' οἶόν τινά φασι βίην Ἑρακληΐην
εἶναι, ἐμὸν πατέρα θρασυμένμονα θυμολέοντα·
ὅς ποτε δεῦρ' ἐλθὼν ἔνεχ' ἵππων Λαομέδοντος
ἐξ οἷης σὺν νηυσὶ καὶ ἀνδράσι παυροτέροισιν
'Ἰλίου ἐξαλάπαξε πόλιν, χήρωσε δ' ἀγυιάς·*

*(О Сарпедон, повелитель ликийцев, что же ты спасаешься бегством, словно муж, не знакомый с войной? Обманываются те, кто говорит, будто ты из рода Зевса Эгидодержца: ведь во многом уступаешь ты отпрыскам Зевса из предыдущих поколений. Но, говорят, из этого рода происходил Геракл, мой отважный отец, обладавший духом льва: некогда прибыв сюда ради коней Лаомедонта, всего лишь с шестью кораблями и горсткой людей, он разорил Трою и опустошил ее улицы**.)*

Здесь видна двойственность механизма генеалогии: происхождение героя может влиять на его славу и статус (знание о прошлом влияет на ситуацию в настоящем), но неверные поступки героя в настоящем, не соответствующие

* О *νεῖκος* см. [7].

** Подробный анализ приведенного примера в рамках обсуждения темы генеалогии как парадигмы см. в [8].

щие славе его предков, могут заставить усомниться в его статусе и, соответственно, в его происхождении (ситуация в настоящем влияет на знание о прошлом).

Указания на генеалогию (краткие или развернутые; от лица основного рассказчика или от лица персонажей) могут также предварять поединок двух известных героев. Характерный пример – генеалогия Ахилла и его оппонента Астеропея. Перед тем, как напасть на своего противника, Ахилл спрашивает о его происхождении. В ответ Астеропей говорит о своем отце (Пелегоне) и деде (реке Аксию) (XXI.153–60). После убийства Астеропея Ахилл в противовес генеалогии своего поверженного врага приводит собственную: его отец – Пелей, дед – Эак, а прадед – Зевс (XXI.186–91). Продолжая свое рассуждение о генеалогиях, Ахилл говорит о том, что предок Астеропея (Аксий) не осмелился бы пойти против Зевса, ибо он сильнее не только рек, но и самого Океана, из которого эти реки вытекают (XXI.190–9).

Итак, знание окружающих о генеалогии героя является важным элементом его статуса, наряду с личными качествами. Можно сказать, что в вопросе о статусе личностные и социальные факторы у Гомера тесно переплетаются друг с другом.

Связь между социальной позицией и знанием (опытом)

Высокая позиция героя в обществе сама по себе предполагает наличие необходимых навыков (иначе говоря, умений), позволяющих ему оправдывать надежды, возложенные на него нижестоящими. Так, необходимыми для военного лидера (например, Агамемнона, Ахилла, Одиссея, Нестора, Гектора, Приама и др. предводителей в «Илиаде») навыками являются превосходство в сражениях (исключениями являются некоторые пожилые персонажи (например, Приам), не принимающие личного участия в битвах) и способность принимать разумные решения*. В то время как физическое превосходство

* Ср. [9], с указанием на IX.443 и XI.510–6. Многие исследователи видят здесь оппозицию (силы) и (мудрости). Заметим, однако, что эти два фактора должны находиться в равновесии (например, Нестор и Одиссей отличаются и мудростью, и физической силой, и храбростью), в то время как значительный перевес одного из них может привести к негативным результатам: Приам не может оказать влияния на ход сражений, т.к. не участвует в них; Ахилл принимает поспешные решения, одно из которых приводит к разрыву отношений с Агамемноном и последующим несчастьям ахейцев, а другое – к гибели его ближайшего друга и соратника Патрокла; горячность Гектора, отвергающего разумные советы Полидамаса, ускоряет его гибель и последующее падение Трои. Герой, соблюдающий идеальный баланс по отношению к людям и к богам, описан в речи Нестора в VIII.130–56.

выявляется в битвах (в особенности в личных поединках между героями), превосходство в «разумности» не всегда может быть продемонстрировано столь же очевидным образом. В «Илиаде», где акцент делается именно на физическое превосходство*, разум часто отходит на второй план (так, самый разумный из героев – Нестор – не играет главной роли на совете ахейцев, выступая лишь в качестве медиатора в случае конфликтов, подобных спору Ахилла и Агамемнона). Тем не менее во многих ключевых ситуациях разумный совет или решение героя могут повлиять на ход событий (см., например, совет Одиссея Ахиллу в XIX.154–83.215–37, заставивший Ахилла отложить нападение на троянцев**), в то время как игнорирование героем советов других (как в случае с Агамемноном в первой песне или с Гектором в XVIII.243–313) может привести к катастрофе.

В «Одиссее» наличие разума и опыта, напротив, играет основную роль: в центре повествования находится фигура Одиссея как персонажа, способного – как правило, разумно – оценивать самые сложные ситуации и находить выход из них. Кроме того, в «Одиссее» больше внимания уделяется старейшинам, играющим заметную роль в обсуждении и принятии решений в мирное время (в частности, можно вспомнить об Эгипции, открывающем собрание во второй песне). У старейшин наличие общего глубокого знания (опыта) также связано с традиционными представлениями о прямой зависимости между возрастом и объемом знания***.

В то же время власть героев над обычными людьми далеко не безгранична, а компетентность лидера, у которого, с точки зрения окружающих, не хватает необходимых для определенного уровня авторитета личностных факторов, вполне может ставиться под сомнение. Примеры этому мы находим как в «Илиаде» (спонтанное выступление Терсита, прерванное Одиссеем (II.212–77)), так и в «Одиссее» (речь Эвпейта на собрании жителей Итаки в 24-й песне «Одиссеи»). И хотя у Гомера подобные обвинения не приводят к потере лидером его

Знание и компетентность персонажа

* Так, Гектор не является любимым сыном Приама (см. XX.407–10, где говорится о Полидоре), но своими военными достижениями завоевал среди троянцев статус наследника и главного защитника Трои (VI.403, XXII.507).

** В своей второй речи к Ахиллу Одиссей, признавая его военные заслуги, указывает на собственное превосходство в объеме знания (т.е. опыта), являющееся следствием более зрелого возраста (218–9).

*** Ср. пример с речью Одиссея к Ахиллу.

позиции, они наглядно демонстрируют тонкую грань между ним и его подчиненными, равно как и возможный способ функционирования механизма смены лидера, опыт и способности которого считаются недостаточными для исполнения им своих обязанностей.

В этой ситуации знание – наряду с военными успехами – играет важную роль поддержания высокого статуса героя. Нестор сохраняет статус главного советчика при Агамемноне, потому что обладает богатым опытом и представляет старшее и славное поколение, о котором большинство ахейцев знает лишь понаслышке*. Эхейней, старейшина и советчик при царе феаков Алкиное, также сохраняет свой статус благодаря богатому опыту и дару красноречия (VII.156–7**). От Агамемнона, проводителя ахейцев, ожидают, что он лучше других знает, как нужно действовать. В свою очередь Гектор как проводитель троянцев позволяет себе не слушать некоторых советов Полидамаса, намекая, что его собственного знания и компетенции вполне достаточно, чтобы разобратся в ситуации самостоятельно***.

Именно в связи с фигурами героев-лидеров лучше всего видна роль знания (разума, определенных навыков): оно необходимо для достижения и удержания высокого статуса. Знание приобретает тем больший вес, чем меньше у героя возможности (из-за возраста, в ситуации мирного времени и т.д.) поддерживать свой статус военными успехами.

2. Связь знания с социальным статусом в «Илиаде» и «Одиссее»

Градация знания
у Гомера?

До сих пор мы говорили о важности наличия определенного типа и уровня знания у героев. Однако пока остается непонятным, как это отражалось в коммуникации, и существовала ли какая-то градация знания, связанная со статусом персонажей.

Гомеровские персонажи могут знать что-либо ясно (*σάφα*), т.е. быть уверенными в своем знании, или же, наоборот, признавать, что в их знании нет ясности (например, оставляя как минимум две возможности для

* См. прямое указание на возраст и опыт в речи Нестора, убеждающего Агамемнона и Ахилла примириться друг с другом (I.259ff.). Ср. комплимент Агамемнона в адрес Нестора как лучшего советчика в II.370–4.

** Ср. характеристику старейшины Эгипция в II.188.

*** Ср. упрек Полидамаса Гектору в XIII.731ff. (никому не дано одновременно быть лучшим воином и превосходить всех умом).

Субъективные и
объективные
факторы оценки
знания

трактовки определенного события). В «Илиаде» и «Одиссее» фактически нет случаев, когда знание персонажа X описывается как худшее/лучшее по отношению к знанию персонажа Y. Вместо этого мы встречаем ситуации, при которых один персонаж может, оскорбляя другого, утверждать его полную некомпетентность в какой-либо области (в отсутствии какого-либо конкретного умения, в неспособности оценить ситуацию и т.п.). Очевидно, что проблема приоритета знания у Гомера решается не на «абсолютном» уровне, а на уровне отношения говорящего и адресата к передаваемому знанию.

В гомеровских текстах, наряду с уверенностью или неуверенностью самого говорящего в достоверности сообщаемого им знания, речь также может идти о доверии или недоверии адресата к получаемому им знанию. Важность знания и степень доверия к нему может определяться субъективно. Например, Гектор, чье мнение является решающим при выборе стратегии действий троянцев (в отличие от ахейцев, у которых важные решения обычно принимаются после коллективного обсуждения, в ходе которого может предлагаться сразу несколько точек зрения), не доверяет предсказаниям и знамениям, считая необходимым полагаться лишь на волю Зевса и собственное мужество (см. XII.235–43).

Однако гораздо чаще в игру вступают объективные факторы. Так, на совете ахейцев во второй песне «Илиады» доверие присутствующих к словам Агамемнона, основанное на его ложном сновидении, определяется не субъективным отношением каждого из слушателей к предсказаниям, а статусом самого Агамемнона. Нестор, комментируя призыв Агамемнона перейти в наступление на троянцев, выражает общее мнение следующим образом (II.79–83):

ὦ φίλοι Ἀργείων ἡγήτορες ἠδὲ μέδοντες
εἰ μὲν τις τὸν ὄνειρον Ἀχαιῶν ἄλλος ἔνισπε
ψευδὸς κεν φαίμεν καὶ νοσφίζοίμεθα μᾶλλον·
νῦν δ' ἴδεν ὃς μέγ' ἄριστος Ἀχαιῶν εὔχεται εἶναι·
ἀλλ' ἄγετ' αἶ κέν πως θωρήξομεν νῆας Ἀχαιῶν.

(О дорогие вожди и военачальники аргивян, если бы кто-либо другой из ахейцев рассказал бы об этом сне, мы назвали бы его ложью и наверняка отвергли бы. Но сон видел тот, кто считается самым доблестным из ахейцев. Так давайте же вооружаться, о ахейские сыны.)

Нестор подчеркивает, что лишь статус Агамемнона компенсирует недостаточную убедительность его рассказа. Иными словами, можно говорить о том, что мнение адресата информации складывается из его знания о

Роль субъективного
впечатления

статусе рассказчика* и таких субъективных факторов, как общее впечатление от слов говорящего. Из этого в свою очередь неизбежно следует, что разница в доверии к той или иной сообщаемой информации заключена в степени наличия факторов первого или второго типа (или обоих сразу).

Для контраста с предыдущим примером рассмотрим случай, когда статус не играет роли при восприятии и оценке достоверности сообщаемой информации. Это знаменитые слова Алкиноя**, обращенные к Одиссею по завершении первой части его пространного рассказа о собственных путешествиях (XI.363–9):

ὦ Ὀδυσσεῦ, τὸ μὲν οὐ τί σ' εἴσκομεν εἰσορόωντες
ἠπεροπῆά τ' ἔμεν καὶ ἐπίκλοπον, οἶά τε πολλοὺς
βόσκει γαῖα μέλαινα πολυσπερέας ἀνθρώπους
ψεύδεά τ' ἀρτύνοντας, ὅθεν κέ τις οὐδὲ ἴδοιτο·
σοὶ δ' ἐπι μὲν μορφῇ ἐπέων, ἐνὶ δὲ φρένες ἐσθλαί,
μῦθον δ' ὡς ὄτ' ἀοιδὸς ἐπισταμένως κατέλεξας,
πάντων Ἀργείων σέο τ' αὐτοῦ κήδεα λυγρά.

(О Одиссей, на наш взгляд, ты не похож на обманщика и хитреца: таких людей, измышляющих ложь, которую невозможно заметить, в изобилии вскармливает черная земля. В твоих словах есть форма, мысли твои благородны, а повествуешь ты искусно, словно певец, о горестях и бедствиях – твоих и всех аргивян.)

Очевидно, что Алкиной не может верифицировать ни статус Одиссея, ни достоверность его рассказа. Однако содержание и форма информации, а также то, как искусно эта информация подается ему и другим присутствующим на пиру феакам, вызывают у него доверие. Здесь мы имеем дело с чисто субъективным фактором, доминирующим еще и постольку, поскольку среди феаков Одиссей не имеет никакого социального статуса, играя маргинальную даже для обычных людей, не говоря уже о феаках, роль гостя. Субъективное впечатление феаков о благородном происхождении и доблестном духе их гостя становится причиной их крайнего расположения к Одиссею.

Проанализировав два полярных случая: когда доминирующую роль играет социальный статус как объективный фактор (пример с Агамемноном) и когда опреде-

* В отдельных случаях, например, во время встречи Полифема и Одиссея, такое представление не только отсутствует у адресата, но и полностью теряет свою ценность для него, поскольку он не включен в традиционную социальную структуру.

** Подробный анализ реплики Алкиноя см. в [10].

ляющим оказывается субъективный фактор доверия к форме и содержанию речи (пример с Одиссеем) – обратимся к «промежуточным» вариантам, когда два фактора оказываются сбалансированы.

Статус Диомеда как объективный фактор

На экстренном совете, созванном Агамемноном в 9-й песне «Илиады», звучит сразу несколько предложений о том, как нужно действовать дальше. Сначала выступает сам Агамемнон, призывая повиноваться его приказу о немедленном бегстве на родину (IX.26–7: ἀλλ' ἄγεθ' ὡς ἂν ἐγὼ εἶπω πειθώμεθα πάντες· φεύγωμεν σὺν νηυσὶ φίλην ἐς πατρίδα γαῖαν). Решение Агамемнона явно носит спонтанный характер (на основании последних событий он приходит к выводу, что Зевсу угодно уничтожить ахейцев) и даже не подкрепляется указаниями на его авторитет лидера (впрочем, отсутствие эксплицитного указания понятно: ведь фактически Агамемнон признается в своей некомпетентности и призывает к позорному для любого воина бегству). И хотя статус Агамемнона как лидера достаточно высок, даже он не может перевесить неубедительность и грозящие несмываемым позором последствия его приказа. В этом заключается причина, по которой слова Агамемнона сначала встречают молчанием: присутствующие на собрании не убеждены в необходимости следовать словам Агамемнона, но пока не могут предложить иной вариант*.

В ситуации, когда роль Агамемнона как советчика, которому – не в последнюю очередь по причине его высокого статуса – доверяют нижестоящие, пошатнувшись, «эстафету» пытается принять присутствующий на собрании Диомед. Называя Агамемнона безрассудным, Диомед выражает готовность противопоставить ему свое собственное мнение (II. IX.32: Ἀτρεΐδῃ σοὶ πρῶτα μάχῃσσομαι** ἀφραδέοντι). Вступительные слова речи Диомеда, предваряющие его собственное предложение, касаются статуса Агамемнона, не получившего от Зевса многих необходимых для лидера качеств (например, мужества

* Молчание у Гомера – характерный признак того, что адресат колеблется, не зная, принять или отклонить предложение. Ср., например, употребление той же, что и в IX.29, фразы в II. III.95 (греки отвечают молчанием на вызов Париса, брошенный Менелая), а особенно в II. VII.92–3 (Гектор вызывает на битву любого из ахейцев), где мы встречаем недвусмысленное пояснение: ахейцы стыдятся отклонить, но боятся принять предложение. Во всех описываемых ситуациях затруднение длится до того момента, пока не находится единственный герой, берущий на себя ответственность (в упомянутых нами случаях – Диомед и (дважды) Менелай).

** Т.е. фактически говорится о словесном состязании.

(П. IX.39): ἀλκὴν δ' οὐ τοι δῶκεν, ὃ τε κράτος ἐστὶ μέγιστον). Обосновав свои сомнения в качествах Агамемнона как лидера (дающие ему право противоречить Агамемнону и не подчиняться его приказу), Диомед озвучивает собственную точку зрения: он, как, вероятно, и многие другие ахейцы, не хочет спасаться бегством и готов сражаться, пока не падет Троя.

Слова Диомеда вдохновляют ахейцев, однако его относительно юный возраст, не самый высокий статус и недостаток опыта придают им меньшую убедительность. Именно на это указывает выступающий после Диомеда Нестор. Не высказывая сомнений в прекрасных качествах Диомеда и как воина, и как советчика (П. IX.53–4: *Τυδείδῃ περὶ μὲν πολέμῳ ἔνι καρτερὸς ἐσσι, / καὶ βουλῇ μετὰ πάντας ὀμήλικας ἔπλευ ἄριστος*)*, он говорит о том, что Диомед не довел свою речь до конца, поскольку еще молод и годился бы ему (Нестору) в сыновья (П. IX.56–8: *οὐδὲ πάλιν ἐρέει· ἀτὰρ οὐ τέλος ἴκεο μύθων / ἧ μὲν καὶ νέος ἐσσί, ἐμὸς δὲ κε καὶ παῖς εἴης / ὀπλότατος γενεῆφιν*). Продолжая идею Диомеда о том, что ахейцы должны остаться и сражаться, Нестор, после дополнительных приготовлений ахейцев выступивший с длинной речью, предлагает детальный план, важным звеном которого является признание Агамемноном своей неправоты в споре с Ахиллом и посольство к Ахиллу. Именно детальный совет Нестора, в данный момент воплощающий собой необходимый баланс между убедительностью содержания сообщения и статусом говорящего, и принимается присутствующими на собрании героями за основу для дальнейших действий.

Восполнение
«дефицита»
объективного
фактора

Ситуация с тремя предложениями повторяется во время короткого совещания в 14-й песне, вызванного необходимостью решить, должны ли раненые вожди ахейцев вернуться на поле боя, чтобы помочь оставшимся справиться с натиском троянцев. Действующие лица остаются теми же, но на этот раз меняются их роли: успешным советчиком становится Диомед. После уже совершенно не нового предложения Агамемнона бежать (74–81; на этот раз предложение отвергает Одиссей) и предшествующей ему короткой реплики Нестора о том, что раненые не должны снова возвращаться в битву (61–3), Диомед обращается к собравшимся с длинной речью (110–32). Он начинает ее с пространного описания собственной генеалогии: рассказа об отце Тидее и

* Заметим, что Нестор не пытается оправдать Агамемнона и не произносит ни слова о выдающихся качествах последнего.

деде, знаменитом Энее, женившемся в Аргосе на дочери Адраста. Завершив описание выводом о собственном далеко не низком происхождении, Диомед советует собравшимся прислушаться к его мнению (126–7: τὸ οὐκ ἄν με γένος γε κακὸν καὶ ἀνάλκιδα φάντες / μῦθον ἀτιμῆσ αἰτε πεφασμένον ὃν κ' εἴπω). После столь солидного обоснования, противопоставленного мнению о юном возрасте Диомеда*, его совет, сам по себе довольно простой (дать вождям вернуться на поле боя и таким образом поддерживать дух сражающихся, но самим не вступать в сражение), но более детальный, чем совет Нестора, и более приемлемый, нежели совет Агамемнона, – единогласно принимается вождями ахейцев.

Итак, в первом случае возраст Диомеда предопределяет меньшую убедительность его вполне разумных слов. Позднее Диомед учитывает предыдущий опыт и, давая новый совет, ссылается на свое знатное происхождение, что позволяет ему убедить слушателей принять его точку зрения. В первом примере мы видим недостаток объективного фактора, а во втором – его восполнение.

Интересный пример представляют собой и речи Эвпейта и Галиферда на экстренном собрании жителей Итаки, обсуждающих новость об убийстве женихов вернувшимся на Итаку Одиссеем и возможную вину его в гибели его соратников. Эвпейт (отец убитого Антиноя, чье имя буквально можно перевести как «убедительный»**), обладающий хорошими ораторскими способностями и даром убеждения, говорит о виновности Одиссея и предлагает отомстить Одиссею за гибель родственников многих знатных граждан Итаки (XXIV.426–37). Выступающий после Эвпейта и Медонта (оправдывающего действия Одиссея и упоминающего о поддержке Одиссея со стороны богов) Галиферд характеризуется рассказчиком как единственный из собравшихся, кто способен видеть прошлое и будущее (ὁ γὰρ οἶος ὄρα πρόσω καὶ ὀπίσσω). Возраст и опыт Галиферда и вытекающий отсюда высокий статус (в условиях мирного времени) придают его словам, предостерегающим собравших-

Изменчивость
баланса между
двумя типами
факторов

* В этой связи представляется достаточно убедительным тезис М. Алдена [11] о том, что Диомед, учтя опыт предыдущего собрания, использовал собственную генеалогию в качестве контраргумента.

** Ср. [12] об «этимологической» игре слов в XXIV.465–6 (Εὐπείθει πείθοντ'). По мнению И. де Йонг, имя Эвпейта (указывающее на его основное качество – умение убеждать) объясняет причину, по которой многие граждане Итаки готовы были последовать его неразумному совету.

ся от восстания против Одиссея (XXIV.454–62), большую убедительность. В результате большинство слушателей принимает сторону Галиферда и Медонта, а желающие следовать за «убедительным» и достаточно знатным по происхождению, но обладающим меньшим багажом опыта и знания и не способным заглянуть ни в прошлое, ни в будущее Эвпейтом оказываются в меньшинстве (XXIV.463–6):

ὡς ἔφαθ', οἱ δ' ἄρ' ἀνήϊξαν μεγάλην ἀλαλητῶ
 ἡμίσεων πλείους· τοὶ δ' ἄθροοι αὐτόθι μείναν·
 οὐ γάρ σφιν ἄδε μῦθος ἐνὶ φρεσίν, ἀλλ' Εὐπείθει
 πείθοντ'· αἴψα δ' ἔπειτ' ἐπὶ τεύχεα ἐσσεύοντο.

(Так сказал он – и больше половины [собравшихся] повскакивало с мест с громкими криками, в то время как толпа других осталась на месте: ибо им были не по душе эти слова, т.к. они были убеждены Эвпейтом. Тотчас же они бросились за оружием.)

В случае с Галифердом и Эвпейтом статусные отношения довольно сложны. Эвпейт представляет одну из самых знатных семей. На стороне его оппонента Галиферда – богатый опыт, позволяющий ему разумно мыслить (важнейшее в мирных условиях качество!). Очевидно, что разумность и практические успехи (в советах) в данном случае несколько перевешивают знатность происхождения.

Итак, применительно к Гомеру нельзя говорить о наличии жесткой шкалы, позволяющей адресату информации однозначно-объективно оценивать передаваемое знание. Мы видим, что в зависимости от ситуации баланс объективных (статус) и субъективных (отношение адресата к содержанию и/или форме информации) факторов может претерпевать изменения. Тем не менее, как следует из проведенного анализа, можно выделить вполне четкий набор критериев, играющих важную роль при оценке сообщения.

3. Знание и социальная иерархия в «Трудах и днях» Гесиода

Целостность
 картины общества
 у Гесиода

Вне зависимости от того, считаем ли мы картину общества, изображенную у Гесиода, соответствующей реальному положению дел в современном Гесиоду обществе* или нет, едва ли возможно отрицать цельность и внутреннюю логичность этой картины, демонстрирую-

* Эту точку зрения защищают П. Миллет и Г. Занкер [13]. Мы также придерживаемся этого тезиса, хотя и не считаем возможным окончательно его доказать (впрочем, как и окончательно опровергнуть).

щей существенные отличия от гомеровского деления на героев (представителей «элиты», наделенной властью, но при этом находящейся под давлением ожиданий окружающих) и простых людей.

В «Трудах и днях» использовано деление людей на *δειλοί* (обычных людей, земледельцев) и *βασιλῆες* (правлящую верхушку). Казалось бы, это разграничение примерно соответствует гомеровскому. Однако, как отмечает Г. Занкер [14], основным адресатом «Трудов и дней» является не элита, а представители низших слоев, т.е. *δειλοί*. Это смещение фокуса приводит к существенным отличиям от гомеровской схемы, поскольку позиция и функции *βασιλῆες* отходят на второй план. Фактически рассказчик, занимая позицию представителя *δειλοί**, приписывает *βασιλῆες* лишь технические функции обеспечения благосостояния простых людей.

Критика правителей
в «Трудах и днях»

Впрочем, дело этим не ограничивается: повествователь «Трудов и дней» допускает прямые обвинения в адрес *βασιλῆες*, не справляющихся со своими обязанностями и выносящих несправедливые решения**. Не ставя под сомнение существующую социальную структуру (т.е. сам принцип деления на обычных людей и правителей), он тем не менее позволяет себе то, что мы практически не встречаем у Гомера: недвусмысленный выпад в адрес вышестоящих. Так, в 256–69 он упоминает о ключевом качестве, отсутствующем у *βασιλῆες*, – справедливости в отношении выносимых ими решений:

*ἦ δέ τε παρθένος ἐστὶ Δίκη, Διὸς ἐκγεγαυῖα,
κυδρὴ τ' αἰδοίη τε θεοῖς οἱ Ὀλυμπον ἔχουσιν,
καὶ ῥ' ὁπότ' ἄν τις μιν βλάβη σκολιῶς ὀνοτάζων,
αὐτίκα παρ Διὶ πατρὶ καθεζομένη Κρονίῳ
γῆρύετ' ἀνθρώπων ἀδίκων νόον, ὄφρ' ἀποτείσῃ*

*В OD 214 адресат рассказчика Перс характеризуется как *δειλός βροτός* (т.е. как представитель низшего слоя общества) и противопоставляется *ἔσθλός* (т.е. представителю высшего слоя общества). Г. Занкер справедливо указывает на невозможность моральной трактовки фрагмента: если бы *ἔσθλός* означал морально хорошего человека, фраза *ἔβρις γάρ τε κακῆ δειλῶ βροτῶ, οὐδὲ μὲν ἔσθλός / ἠδὲ φέρμεν δύναται* (214–5) лишалась бы всякого смысла, т.к. получалось бы, будто хороший человек может преступить законы морали с той же легкостью, что и плохой. «Социальную» трактовку контекста поддерживает и М. Уэст [15]. Но если Перс является представителем *δειλοί*, это означает, что к данной социальной категории относится и его брат, т.е. сам рассказчик.

** См. [16]. Гесиод регулярно использует по отношению к *βασιλῆες* уничижительный эпитет *δαυροφάγοι* (Op. 39, 221, 264), противопоставляя их идеалу процветающего государства, управляемого поборниками законности и справедливости (Op. 213–73).

δῆμος ἀτασθαλίας βασιλέων οἱ λυγρὰ νοεῦντες
 ἄλλη παρκλίνωσι δίκας σκολιῶς ἐνέποντες.
 ταῦτα φυλασσόμενοι, βασιλῆς, ἰθύνετε μύθους,
 δωροφάγοι, σκολιέων δὲ δικέων ἐπὶ πάγχυ λάθεσθε.
 οἱ αὐτῶ κακὰ τεύχει ἀνὴρ ἄλλω κακὰ τεύχων,
 ἧ δὲ κακῆ βουλῆ τῶ βουλευσάντι κακίστη.
 πάντα ἰδὼν Διὸς ὀφθαλμὸς καὶ πάντα νοήσας
 καὶ νῦ τάδ', αἶ κ' ἐθέλησ', ἐπιδέρκεται, οὐδέ ἐ λήθει
 οἴην δὴ καὶ τήνδε δίκην πόλις ἐντὸς ἔέργει.

(Есть еще Справедливость, рожденная от Зевса, славная и почитаемая среди богов, населяющих Олимп. И если кто-то презреет и оскорбит ее несправедливостью, сразу же, воссев подле отца Зевса, она жалуется на разум несправедливых людей, чтобы он отплатил народу за нечестье правителей, которые, замыслив ужасное, искажают справедливость несправедливыми поступками. Опасаясь этого, о правители-дароядцы, выносите решения и всячески избегайте судить несправедливо. Муж, замышляющий зло другому, замышляет его себе, а плохое решение хуже всего для того, кто его вынес. Все видит и замечает око Зевса. Если он захочет, он видит и это, и не скрывается от него, какова справедливость в [том или ином] государстве.)

Рассказчик буквально требует от царей соблюдать справедливость, напоминая им о Δίκη и об исходящей от всезнающего Зевса каре за несправедливость. И хотя в целом изображенная им – в противовес современной ему ситуации – картина идеального, справедливого государства, граждане которого живут в достатке (225–39), примерно соответствует гомеровской, жесткие требования, звучащие из уст повествователя, совершенно не характерны для «Илиады» и «Одиссеи».

Знание и отношения между социальными слоями у Гомера и Гесиода

Таким образом, у Гесиода, обращающегося к δειλοί, а не к элите, гомеровская схема ставится с ног на голову: не простые люди должны поддерживать избранных, а избранные должны заботиться о простых людях (а не о собственной славе, как у Гомера)*. В свою очередь простые люди контролируют соответствие поступков элиты (правителей) идеалам поведения. В этом отношении характерен фрагмент «Теогонии» (84–7), где кульминацией изображения идеального правителя становятся следующие строки:

<...> οἱ δὲ νῦ λαοὶ

* В упомянутой выше статье Г. Занкера этот контраст показан на конкретных примерах: II. I.186ff., II.188–206, II.211–77 (знаменитый эпизод с Терситом).

πάντες ἐς αὐτὸν ὄρωσι διακρίνοντα θέμιστας
 ἰθείησι δίκησιν· ὁ δ' ἀσφαλῆως ἀγορεύων
 αἰψά τι καὶ μέγα νέικος* ἐπισταμένως κατέπαυσε·
 (...народ взирает, как правитель судит по справедливости, а он в свою очередь уверенно говоря**, быстро и умело прекращает даже большую распрю.)

Для Гесиода важно, что справедливость правителя видна всем обычным людям (λαοὶ / πάντες ἐς αὐτὸν ὄρωσι). Кроме того употребленное во фрагменте ἐπισταμένως говорит еще и о том, что способности правителя рассматриваются в той же плоскости, что и способности, например, ремесленника, т.е. править можно уметь или не уметь.

В ситуации, когда низшие слои осознают возможную некомпетентность высших, они могут позволять себе критиковать их и надеяться только на собственное знание, а не на авторитет тех, кто ими управляет. В этой ситуации увеличивается необходимый для обычных людей объем знания: помимо технических навыков люди должны усвоить набор общих истин, помогающих найти для себя правильный путь в жизни.

Вполне очевидно, что советы Гесиода, из которых состоит большая часть «Трудов и дней», предназначены основному адресату произведения – брату Персу как одному из δειλοί, – а также всем δειλοί в целом. Низшим слоям общества передается огромный массив знания, которое должно помогать им в преодолении тягот повседневной жизни. Отличие от гомеровской схемы разительно: в «Илиаде» и «Одиссее» основной объем человеческого знания распределен между героями, а наиболее высокая социальная позиция предполагает наивысшую степень компетентности и, соответственно, наличие наибольшего количества знания.

Сделанные нами выводы помогают по-новому взглянуть на социальный аспект архаической картины мира, представленной у Гомера и Гесиода. Несмотря на внешнюю простоту общей социальной модели, связь между факторами, влияющими на социальный статус персона-

Социальная проблематика и архаическая картина мира

* Ср. сцену примирения двух спорящих сторон, изображенную на щите Ахилла (в особенности в XVIII.505–8). Напомним также, что спор рассказчика «Трудов и дней» с братом не был урегулирован правителями, что в свою очередь косвенно, но вполне красноречиво указывает на их некомпетентность.

** Весь большой пассаж «Теогонии» (80–103), частью которого является данный фрагмент, призван провести параллель между поэтами и правителями: в частности, даром красноречия, исходящим от муз, обладают как поэты, так и правители. Обстоятельный анализ пассажа с указаниями на литературу см. в [17].

жей, их знание и коммуникацию, на поверку оказывается весьма сложной. При сравнении гомеровской схемы отношений с социальной ситуацией и проблематикой знания в «Трудах и днях» Гесиода хорошо заметно, сколь глубокие изменения претерпевают связи между двумя основными социальными слоями. Вместо примитивной модели перед нами оказывается сложная и динамичная система, сравнение с которой может оказаться небезынтересным и для исследователей современного общества.

1. *Donlan W.* The pre-state community in Greece // *Symbolae Osloenses.* – № 64. – 1989. – P. 5–29.

2. *Strasburger H.* Der soziologische Aspekt der homerischen Epen // *Gymnasium.* – № 60. – 1953. – S. 97–114.

3. *Starr C. G.* The Economic and Social Growth of Early Greece, 800–500 B. C. – New York, 1977. – P. 120; *Donlan W.* Homeric Economy // *Morris I., Powell B. (edd.). A New Companion to Homer.* – Leiden, 1997. – P. 650.

4. *Nagy G.* The Best of Achaeans: Concepts of the Hero in Archaic Greek Poetry. – Baltimore, 1979; *van Wees H.* Status Warriors: War, Violence and Society in Homer and History. – Amsterdam, 1992; *Haubold J.* Homer's People: Epic Poetry and Social Formation. – Cambridge, 2000.

5. *Raaflaub K. A.* Homeric Society // *Morris I., Powell B. (edd.). A New Companion to Homer.* – Leiden, 1997. P. 635.

6. *Ibid.* – P. 633.

7. *Adkins A. W. H.* Threatening, Abusing and Feeling Angry in the Homeric Poems // *Journal of Hellenic Studies.* – № 89. – 1969. – P. 7–21.

8. *Alden M.* Homer beside Himself: Para-Narratives in the Iliad. – Oxford, 2001. – P. 639ff.

9. *Solmsen F.* The “Gift” of Speech in Homer and Hesiod // *Transactions of the American Philological Association.* – № 85. – 1954. – P. 1; *Redfield J. M.* Nature and Culture in the Iliad: The Tragedy of Hector. – Chicago, 1975. – P. 110f.

10. *Thalman W. G.* Conventions of Form and Thought in Early Greek Epic Poetry. – Baltimore and London, 1984. – P. 172f.; *Walsh G. B.* The Varieties of Enchantment. Early Greek Views of the Nature and Function of Poetry. – Chapel Hill, 1984. – P. 6–14; *Heath M.* Hesiod's Didactic Poetry // *Classical Quarterly.* – № 35. – 1985. – P. 261f.; *Goldhill S.* The Poet's Voice. Essays on Poetics and Greek Literature. – Cambridge, 1991. – P. 66;

Pratt L. H. Lying and Poetry from Homer to Pindar. Falsehood and Deception in Archaic Greek Poetics. – Ann Arbor, 1993. – P. 67–71; *Doherty L. E.* Sirens, Muses and Female Narrators in the Odyssey // Cohen D. (ed.). The Distaff Side. Representing the Female in Homer's Odyssey. – New York, 1995. – P. 89; *de Jong I.* A Narratological Commentary to the Odyssey. – Cambridge, 2001. – P. 285f.

11. *Alden M.* Op. cit. – P. 166. – N. 37.

12. *de Jong I.* Op. cit. – P. 584.

13. *Millett P.* Hesiod and his World // Proceedings of the Cambridge Philological Society. – № 30. – 1984. – P. 84–115; *Zanker G.* The Works and Days: Hesiod's Beggar Opera? // Bulletin of the Institute of Classical Studies. – № 33. – 1986. – P. 26ff.

14. *Zanker G.* Op. cit. – P. 26f.

15. *West M. L.* (ed. with comm.). Hesiod: Works and Days. – Oxford, 1978. – P. 210.

16. *Solmsen F.* Hesiod and Aeschylus. – Ithaca, 1995. – P. 87. – N. 38; *Jaeger W.* Paideia: die Formung des griechischen Menschen. – 1. Bd. – Berlin; Leipzig, 1936. – S. 89ff.

17. *Stoddard K.* The Narrative Voice in the Theogony of Hesiod. – Leiden, 2004. – P. 176ff.
